

Археологические работы в Казахстане и Киргизии

1. Раскопки древнего города Тараза

Объектом археологических работ ИИМКа, Казахстанского филиала Академии наук и Комитета наук при СНК КирССР под руководством А. Н. Бернштама, в Казахстане и Киргизии в 1936 и 1938 гг. была в основном долина реки Талас.

Центральным пунктом работ было исследование древнейшего на территории Семиречья города Тараза, известного по письменным византийским источникам еще с VI в. н. э.

Разведка 1936 г. показала, что положение развалин городища под современным базаром в Джамбуле, на левом берегу Таласа, соответствует наиболее полному описанию местоположения этого города, которое имеется в сочинении арабского географа X в.—Макдиси. Раскопками 1936 и 1938 гг. было установлено, что культурный слой городища, составные части городища (ворота, вал и т. п.), равно как его окружение—целиком соответствуют тем весьма кратким описаниям города, которые имеются в исторической и географической литературе арабов, персов и китайцев. Наоборот, два других городища, которые также связывались с городом Таразом, не соответствуют описаниям древних авторов о Таразе. Вместе с тем разведки и обследование городищ и мест поселений Таласской долины показали, что все они имеют связь с древним Таразом в историческом и культурном отношении. Выяснилось, что развалины древнего Тараза стоят в центре большого исторического комплекса.

Тараз состоит из обычных для древних среднеазиатских городов составных частей: цитадель (разм. 145 × 113 м), которая помещается посредине северной стороны шахристана¹. Шахристан представляет собой прямоугольник, ориентированный по странам света.

Городище стоит в центре города Джамбула и, естественно, сильно разрушено и застроено. Цитадель, например, особенно сильно пострадала в северо-восточной части, а в ее сохранившейся части древние отложения нарушены строительством Кокандской крепости XIX в. В восточной части удалось обнаружить «замок» ворот, обращенных к реке Талас. Это весьма важный факт, ибо, как указывает Макдиси, главными воротами медины (шахристана) были восточные. Обнаружены также следы сильно разрушенной городской стены, сделанной из набивного дувала. Длина сторон шахристана: восточной—390 м, северной—360 м; общая площадь городища около 14 га.

Культурные напластования городища могут быть сведены к пяти наиболее крупным наслоениям, отвечающим пяти крупным хронологическим периодам. Краткие показатели каждого слоя следующие.

Слой первый (считая сверху)—«современный».

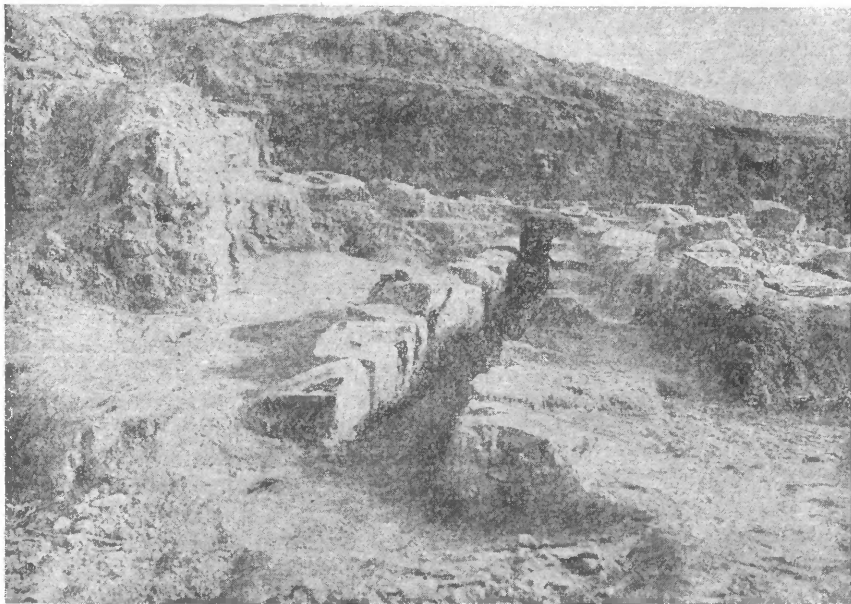
Слой второй включает в себе культурные остатки XIII—XV вв. Характерен наличием в нем голубой тимуридской и иранской керамики. Как правило, включает вещи древнемонгольского периода; сохранность предметов ниже среднего. Во втором же слое вскрыты остатки гончарной обжигательной печи с инструментарием.

Слой третий. Несравненно лучшей сохранности, чем предшествующие. Соответствует жизни города XI—XII вв. Его сохранность объясняется, в частности, наличием фундаментальных сооружений, каменной кладки городского строительства [«тротуарные» панели, колодцы, арыки, обложенные камнями (рис. 1), вымостки из булыжника и т. д.]. Мощность до 0,57 м. Благодаря известной монументальности остатков культурные отложения относительно хорошей сохранности. Под развалинами сырцовых построек сохранилось в «спокойном» положении много культурных остатков, главным образом керамики.

Обилие находок керамики, разнообразие образцов, форм, орнамента говорят о весьма высоком уровне керамического производства и разнообразных требованиях потребителя.

¹ Шахристан—собственно город, окруженный стеной или валом без предместий—рабадов.

В третьем слое найдено большое количество монет самых разнообразных времен и народов. После определения монет уточнятся наши сведения о них, пока можно говорить о «тюрко-китайских» (тюргешских), мусульманских (илекских). Среди монет найдено и золотое варварское подражание римскому солиду V в. н. э. (рис. 2). Последняя монета, равно как и ряд других находок попали в третий слой из более ранних слоев из-за колодцев, выходы которых были обнаружены в третьем слое. Из таких находок следует отметить форму для изготовления терракоты—мужское лицо en face. Трактовка портрета—глубоко сидящие глаза, выдающийся нос с характерной горбинкой у переносицы, двойной, выступающий вперед подбородок, украшения головы в виде стилизованных трилистников—свидетельствует, повидимому, об иноземном влиянии. Возможно, что эта форма связана с гандхарским искусством.

Рис. 1. Остатки городского строительства Тараза. Раскоп 1-й, слой 3-й.

Аналогичны слою третьему сохранность и насыщенность слоя четвертого. Его границами являются: наверху—монументальные вымостки третьего слоя, внизу—остатки кирпичной кладки, пола. Толщина слоя 0,95—1,10 м.

Четвертый слой соответствует периоду VIII—X вв. Естественно, что в нем были обнаружены вещи, относящиеся и к более ранним и к более поздним эпохам. Связано это с тем обстоятельством, что при гибели города и неоднократных его перестройках нарушались предшествующие слои, в них вклинивались культурные остатки более поздних эпох. Но уже предварительные наблюдения во время раскопок, несмотря на значительное сходство предметов четвертого слоя с предметами третьего, дали весьма характерные отличия.

Отметим отдельные находки. В одном наиболее старом, по нашему мнению, сосуде в виде кесы (тип блюда) даны довольно реалистично выполненные и заключенные в медальоны изображения дерева, повидимому кипариса. Изображение «дерева жизни» сделано зеленой краской (рис. 3). Резким отличием от караханидской керамики, т. е. керамики третьего слоя, является разнообразие орнамента как по сюжету, так и по технике изготовления. Техника же изготовления самой посуды—та же, что и в караханидской керамике. Существенные отличия наблюдаются в неполивной посуде.

Здесь, правда, наличествуют все типы, что и в третьем слое, но имеется и кое-что новое. Таким новым является так наз. «согдийская» керамика. Это, обычно, большие

сосуды в виде кувшинов с пузатым туловом и узким высоким горлом. Тесто с большой примесью дресвы (отошающая масса). Сосуды сделаны лепной техникой, путем «спаивания» полос, обычно четырех (дно, две полосы на тулово и четвертая—горловина). Обжиг средний, иногда недостаточный. Следы ручной лепки и спайки полос хорошо прослеживаются на внутренней стороне сосуда. Поверхность лощеная, обычно желтых, иногда красных оттенков, имеет следы сглаживания пальцами сосуда до лощения. Сосуд в верхней части орнаментирован накладным в виде полосок из глины орнаментом. Сюжет орнамента солярный, в виде волют и символов солнца; горловина имеет антропоморфный орнамент, идущий от носика сосуда к тулову по «фасаду» сосуда. Этот тип керамики по технике изготовления и орнаменту идентичен ягнобской керамике Таджикистана, где она наряду с другими древними переживаниями Согдианы бытует в современности.

Нижние горизонты четвертого слоя характерны тем, что в них в п е р в ы е встречаются тюргешские монеты первой половины VIII в. и вышеописанная «согдийская» керамика, появление которой мы связываем со второй согдийской (бухарской) колонизацией Семиречья в середине VII в. н. э. (рис. 4 и 5). Наше исследование монет и чтение на них надписей показали, что они могут быть датированы промежутком времени 704—763 гг.

Наиболее древним слоем Тараза оказался слой пятый. Ввиду того, что между ним и четвертым слоем имела связь как

в линии взаимопроникновения культурных остатков, так и в культуре вообще, складывалось впечатление, что его естественный верхний край должен соответствовать VII веку, нижний, судя по некоторым данным, возможно, V веку.

Слой пятый гораздо беднее находками, чем все предыдущие, хотя сравнительно и велик по толщине—от 0,89 до 0,94 м. Наиболее ярким типологическим отличием является отсутствие в нем поливной посуды; единственной техникой обработки посуды является лощение¹. Как правило, залегание слоя спокойное. В нескольких местах он был прорезан колодцами, ямами и котлованами с культурными отложениями четвертого слоя. Выразителен состав находок—значительное количество терракот и предметов с объемным орнаментом. К ним относятся: ручка оссуария в виде головы обезьяны, статуэтка лошади с изображением всей сбруи и седла (рис. 6); ритуальные (?) предметы с ручками в виде шеек и голов птиц; небольшой сосуд с трехстрочной сирийской надписью и др. Крайне интересны в пятом слое предметы с ручками в виде голов птиц. Внешне они напоминают известные бронзовые пряжки-застежки ханьского времени из Ордоса и аналогичные пряжки Петросского клада. Таким образом, ампли-

Рис. 2. Варварское подражание поздне-римскому солиду V в. Определен проф. Н. П. Бауэрром. Тараз, раскоп 1-й, слой 3-й.

Рис. 3. Кеса с изображением деревьев. Тараз, раскоп 1-й, слой 4-й.

¹ При описании всех слоев, в том числе и пятого, мы имеем в виду типические, а не случайные черты слоя.

Рис. 4. Тюркешская монета с надписью «тюркешкаган». 1-я половина VIII в.

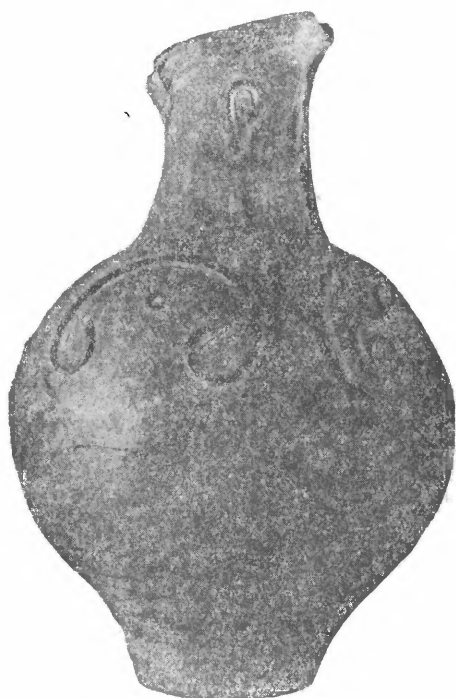

Рис. 5. Тип «согдийской» керамики. Тараз.

Рис. 6. Фигурка коня из глины V—VII вв. Тараз, раскоп 1-й, слой 5-й.

туда колебания датировки их—от II в. до н. э. до V в. н. э. Установленная во время первого раскопа стратиграфия Тараза получила свое подтверждение и в других раскопах города, оказалась связанной и со стратиграфией городищ и тепе, исследованных на периферии Тараза.

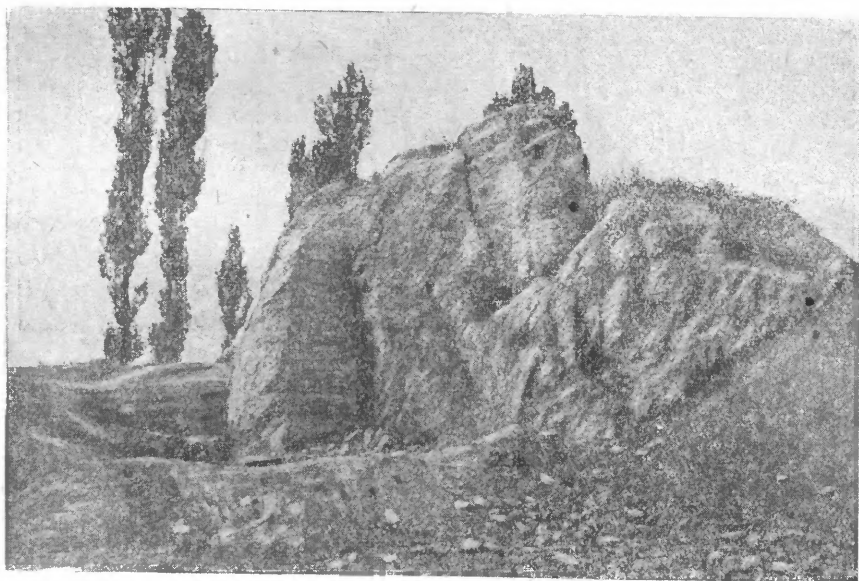
Среди находок, относящихся к XII в., обращает на себя внимание кусок шиферного сланца с нацарапанной на нем надписью, повидимому, на уйгурском языке.

Картину последовательной смены культурных остатков четвертого и третьего слоев дала зачистка № 7 у северо-восточной башни цитадели (рис. 7). Здесь в архитектуре башни наблюдались следы трех строительных периодов. В самом низу оказалась кладка из сырцового кирпича какого-то разрушенного строения, которая была наращена сверху набивным дувалом и превращена в башню цитадели, в свою очередь реконструированная в той же технике, повидимому, во времена монголов. На городище был исследован городской водопровод, выход («кобур») которого был обнаружен на восточном срезе городища. Городской водопровод был составлен из гончарных труб размером 0,45 до 0,70 м при диаметре 0,21—0,23 м. Водопровод имел едва заметное падение внутрь городища. Трубы оказались все раздавленными лежащим сверху слоем земли. Они лежали в специально насыпанном мягком грунте—«подушке», в свою очередь лежащей на твердой материковой лессовой глине. В отдельных частях водопровод был перекрыт каменными плитами, образующими над ним букву П. Направление водопровода было прослежено на протяжении 12 м. Изучение водопровода и залегающих около него остатков показало, что его ложе врезано в культурные остатки XI—XII вв., соответствующие третьему слою, и перекрыто напластованиями той же эпохи. Это свидетельствует о том, что он был проложен не позже этой эпохи, скорей всего, в ее начале. Следов четвертого культурного слоя не обнаружено.

В связи с этими работами была гипотетично восстановлена система водоснаб-

жения города. Город снабжался тройко. Во-первых, непосредственно из реки Талас, которая протекала в древности у самого города, и из арыков, из нее шедших; во-вторых, из колодцев, в большом количестве вскрытых на городище. Огромное количество колодцев, вскрытых на совсем небольших площадках, причем устья колодцев находятся в одной и той же плоскости, т. е. относятся к одному времени третьего слоя, говорит о чрезвычайной заселенности города в XI—XII вв. В-третьих, город снабжался водой из водопровода.

Одним из интереснейших объектов, раскопанных на городище, была баня—«хамам» XI—XII вв. Баня была расположена у северо-восточного угла цитадели. Баня представляет собой прямоугольную в плане постройку—западная стена 12,60 м, южная 13,50 м,—сложенную из квадратного жженого кирпича размером 25×25×4,5 см. Остатки ее стен были перекрыты фундаментами более поздних построек, сложенных из двух рядов больших грубоотесанных камней подкубической формы. Промежуток

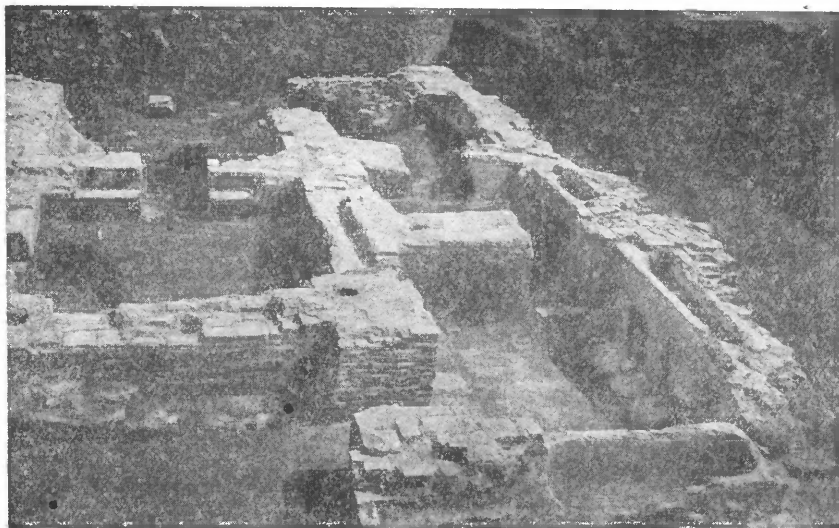

Рис. 7. Северо-восточная башня цитадели Тараса.

между каменными рядами от 0,70 до 1 м был заложен мелким бутовым камнем на глиняной смазке. Кладка содержала в себе черепки посуды XI—XIII вв. (рис. 8).

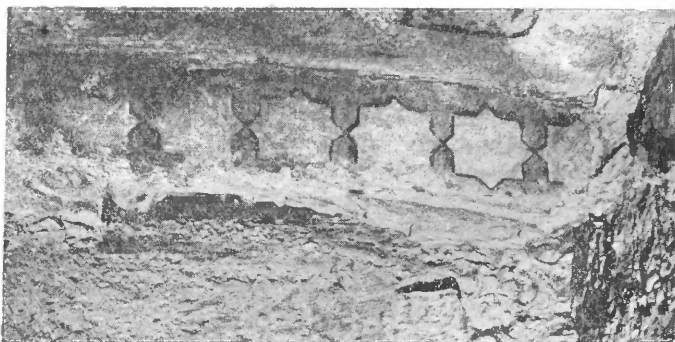
После тщательной фиксации перекрывавшего баню фундамента он был снят. Под ним обнаружился сплошной кирпичный завал обрушенной крыши и стен. Кирпичи с внутренней стороны были заштукатурены, часть из них сохранила резные гипсовые украшения и фресковую роспись. Как правило, штукатурка имела прогиб, свидетельствующий, что она была креплена на сооружениях сводчатых и куполообразных типов. Эмпирическое вычисление радиуса этих куполов дало небольшие размеры, указывающие, что купола соответствовали размерам малых комнаток, открытых впоследствии, т. е. над каждой из них был купол. Таким образом, можно предположить, что здание было многокупольным. Баня состояла из двух открытых площадок и пяти комнат, соединенных между собой дверьми,—в дверных проемах сохранились следы сделанных из кирпича коробок. Стены были оштукатурены. Штукатурка была двух-, иногда трехслойная, верхняя без росписи, нижняя украшена фресковой росписью. В некоторых комнатах фресковая роспись покрывала всю плоскость стен. Сюжет росписи—геометрический орнамент: восьмигранные звезды, соединенные между собою крестами (рис. 9), восьмиугольники и трилистники в виде пальметок, выполненные основными цветами—красным, черным, желтым. Сюжет орнамента находит себе аналогии в неполивных

изразцах караханидской архитектуры, например, в неполивных изразцах мазара Айше-Биби, находящегося в 18 км к юго-западу от гор. Джамбула. В комнатах были обнаружены «корытца» для воды, под ними разнообразной формы ниши, ванна, на полу комнаты, где были зачищены ванна и корыто, обнаружены водосливы. Внутри стен проходили жаропроводящие трубы. Полы были сделаны из больших кирпичных плит, обмазанных специальным составом, и по большей части провалились, обнаруживая

Рис. 8. Общий вид бани с запада.

подпольное отопительное сооружение, связанное со сложной жаропроводящей системой. Жаропроводящая система проходила под полом и в стенах, равномерно согревая все помещения. Этот прием отопления весьма широко известен и сохранился вплоть до современности в узбекских банях Бухары, Самарканда, того же Джамбула

Рис. 9. Фреска на ванне. Бани. Тараз.

и в других среднеазиатских городах. Вход в баню был с севера, и от него сохранилась площадка, выложенная теми же большими квадратными плитами из обожженной глины.

Строительство бани должно быть отнесено скорей всего к началу караханидской династии, т. е. к концу X в.

Из краткого обзора основных результатов раскопок на городище можно как будто вывести то положение, что наиболее крупные объекты градостроительства и наиболее

богатые культурными остатками слои относятся к городу XI—XII вв. В самом деле, богато представленный третий слой, водопровод, баня и т. д.—все это памятники XI—XII вв. Отсюда следует, что город в караханидскую эпоху достиг своего наибольшего расцвета. Исторически это находит себе объяснение. Достаточно указать, что в XI—XII вв. Тараз был самостоятельным округом в системе Караханидского государства Средней Азии. Эта автономность Тараза и послужила причиной расцвета города и его округа, что также наглядно показали разведки и раскопки в районе. Интересно и другое наблюдение, произведенное во время работ. Благодаря большому количеству шурфов в разных местах городища, доведенных до материка, и зачисткам по срезам городища удалось обнаружить пространственное размещение культурных слоев. Слой пятый, наиболее древний, был обнаружен только в северо-восточном углу шахристана. Большую протяженность имеет слой четвертый—VIII—X вв. Этому слою соответствуют сохранившиеся очертания шахристана и цитадели; наконец, наиболее насыщен культурными остатками город в вертикальном и горизонтальном сечении в караханидскую эпоху XI—XII вв. После этого периода культурные остатки намного уменьшаются. Это находит себе объяснение в исторических источниках. С разрушением Тараза в 1207—1210 гг. (кара-китаи и хорезмшах Мухаммед), в 1219—1220 гг. (монголы) и в 1307 г. (чагатаиды) он превратился из крупного столичного центра в заолустную провинцию. Город, упорно сопротивлявшийся монголам, был сожжен в противоположность, например, Баласагуну, который добровольно сдался монголам, был пощажён и даже переименован в Гобалык, т. е. «хороший город». Округа Тараза, как показала разведка, имеют своим верхним слоем XI—XII вв., причем следы пожара довольно ясно на нем прослеживаются. Но поскольку Тараз, хоть в небольших объемах, продолжал свое существование, постольку в нем оказались культурные отложения монгольской и послемонгольской эпох. Это еще один аргумент в пользу того, что развалины в городе Джамбуле и являются древним Таразом.

II. Округ гор. Тараза

Тараз окружают, во-первых, тепе (холмы), во-вторых, турткули, в-третьих, городища и связанные с ними малые тепе, в-четвертых, большие турткули типа Туймакент у села Шаповаловка и, наконец, в-пятых, дувалы. У многих тепе верхние слои относятся к XI—XII вв., часть имеет верхние слои VIII—X вв. Все они представляют разные типы мест поселений, связанных со столицей округа—Таразом. Среди типов поселений Таласской долины мы особо выделили городища. Из обследованных городищ городище Кош-Тюбе, находящееся между селами Михайловка и Аркановка, на правом берегу реки Талас, на территории колхоза Кенес поддается отождествлению со старым городом Джикиль, находившимся к востоку от гор. Тараза. Характерно, что название города Джикиль дано по племенному названию тюркского племени, одна часть которого жила в районе озера Иссык-Куль, другая—у гор. Тараза. В нижних слоях этого городища были обнаружены типично кочевнические тюркские украшения сбруи, да и весь комплекс вещей нижнего слоя носил скорее кочевнический, чем земледельческо-оседлый характер. Возможно, что на месте основных ставок тюркского кочевого племени джикиль возникло постепенно оседлое поселение, превращенное впоследствии в небольшой городок, с сохранением за ним названия той племенной группы тюркских кочевников, которая явилась фактически его основателем. На западной границе оазиса открыто еще два поселения, которые мы отождествляем с городами Дох-Нуджикес и Адахкес.

Дох-Нуджикес, по описанию Макдиси, ближайший с запада город к Таразу. О нем Макдиси сообщает: «Дох-Нуджикес—маленький город, в нем рынок три месяца весной, мясо без костей (продается) по четыре мена за диргем. Он был большим (городом), но когда Исмаил-Ибн-Ахмед завоевал этот округ, он опустел. Вместе с тем, в нем много построек, он укреплен и имеет цитадель». С этим описанием Макдиси согласуется указание Ибн-Ал-Факых'а (автора начала IX в.), который писал: «Мы спросили его о дороге к кимакам от Тараза, и он рассказал, что дорога (идет) налево от Тараза к двум

благоустроенным и населенным селениям в местности, которую называют Кавакиб. Расстояние их от Тараза—7 фарсахов. От этой местности до царя кимаков 80 дней пути для всадника, едущего быстро, который везет с собой провизию»¹.

К западу от Тараза на пути из древнего Исфиджаба (повидимому, через Куюкский перевал Кара-Тау) ближайшим к Таразу был город Джувикат, расположенный от него в двух фарсахак. Единственными развалинами древнего города Джувиката являются, повидимому, остатки древнего места поселения в 12—14 км к западу от гор. Джамбула, на реке Асса, так наз. Бек-Тепе. Недалеко от него расположенные мазары села Головачевки—Айша-Биби и Баба-джи-Хатун—указывают на положение древнего караванного пути из Исфиджаба. Спускаясь с Кара-Тау по старому Куюкскому перевалу он шел, примерно, так, как идет современное шоссе, через урочища Балыксаз и Чоль-Дала. Около этого пути нашей экспедиции 1938 г. удалось зафиксировать места поселений, тяготевших к этому тракту, как, например, развалины замка Аулие-Бастау и два бугра типа сельских поселений—Кыс-тепе и Мурдоли-тепе, равно как и другие развалины у северных отрогов Улькун Бурул-Тау, к западу от села Головачевки, около озера Ак-Куль.

Не все упоминаемые Мақдиси города были обнаружены экспедицией. Однако те из них, которые имели сколько-нибудь подробное описание и координаты, зафиксированы. Таким образом, география Мақдиси приобретает все более и более реальный характер, и ее познавательная ценность в связи с археологическими изысканиями, несомненно, увеличивается.

Обследование этой части Таласской долины дало ясное и полное представление о структуре Таразского округа. Этот округ выявился как цельный исторический комплекс «города и деревни», с единой продуманной системой обороны, с многообразной и разнохарактерной сельской округой. Дальнейшее изучение этого комплекса прольет немало света на темные страницы истории среднеазиатского средневекового города и деревни. Вместе с тем исследования за пределами Таласской долины показали связь земледельческого оазиса с кочевым населением.

К западу от Таласской долины, фактически в районе реки Асса, нами замечено резкое исчезновение городского типа поселений. Вместо памятников земледельческого оазиса здесь обнаружены археологические памятники кочевников. Так, на территории колхоза Урнэк, на одной из террас реки Асса была открыта стоянка с характерной сетчатой керамикой сарматского типа. Вскоре был открыт и курганнык сарматской эпохи на северных склонах Кара-Тау, к югу от озера Бийли-Куль. Центр курганника был расположен около ущелья Берк-Кара, где экспедицией было зарегистрировано 457 курганов. Весь курганнык имеет гораздо больше курганных насыпей—он простирается на восток до ущелья Улькун-Сай-Асу (почти в притык к урочищу Кара-Басты-Адыр), на западе доходит до ущелья Аир-Сай, симметрично уменьшаясь от центра к краям. Насыпи каменные—трех основных видов:

I. Большие курганы диаметром до 41 м при высоте до 3,50 м. Им часто сопутствуют каменные выкладки из камней на ребро, образующие разные фигуры—кольца, дорожки и т. п.

II. Средние плоские низкие курганы диам. 10—16 м, высота 40—60 см. Иногда по краям кургана выложено кольцо из более крупных, чем в центре, камней. Иногда второе кольцо выложено и в центре кургана.

III. Малые курганы диам. 4—6 м, высота 10 см и ниже. По своему положению малые курганы тесно связаны с курганами второго типа.

Курганы расположены группами—от 5 до 11 в группе,—вытянутыми цепочкой с севера на юг. Было вскрыто 10 курганов и 3 каменные выкладки. Одна из последних оказалась жертвенным местом при кургане, две другие—вероятно, символами солнца. Из 10 раскопанных курганов 7 были средней величины и 3 малых. Курганы оказались грабленными, по всей вероятности, современниками погребения. Могильные ямы

¹ Цитируем по рукописи перевода С. Волина «Мусульманские авторы о городе Таразе и его округе».

были выбиты в твердом каменном грунте на глубине до 1,5 м от вершины кургана. Погребальная яма ориентирована с запада на восток. Покойники лежали на спине с вытянутыми руками. Из оставшегося инвентаря в могилах были обнаружены сосуды серого теста с примесью дресвы, с отпечатками ткани на внутренней поверхности, обычно без орнамента или с очень скудным орнаментом. Кроме того найдены: костыльки бронзовые для ремня, бусы, золотое кольцо из проволоки, расплющенное для украшения с тыльной стороны, золотые серьги из проволоки в виде спирали с подвесками. Серьги весьма тонкой работы, подвески ажурные, плетенные из тонкой золотой проволоки с зернью. Судя по керамике и особенно по серьгам, могильник можно датировать первыми веками н. э. Культура могильника носит в себе характерные черты ранней поры культуры «великого переселения народов», и ее более развитые формы можно наблюдать в знаменитых и многочисленных находках III—V вв. н. э. Поэтому мы склонны датировать могильник I—II вв. н. э., хотя, несомненно, есть курганы и более древние: III—I вв. до н. э.

III. Верховья реки Талас. Кочевнические погребения

В долине верхнего Таласа экспедиция обследовала территорию от гор. Джамбула до района бывш. села Дмитриевского, ныне районный центр Талас, Таласского района Кирг. ССР.

На территории сельсовета Долоно и в долине реки Кенкол экспедиция обследовала три курганные группы: около аула Терскул у входа в ущелье Ова (30 насыпей), около ущелья Бурдо (131 насыпь) и около горы Манас-Супа (50 насыпей). Два первых курганника, по всем данным, относятся ко второй половине I тысячелетия н. э. Это курганы с каменной насыпью, обложенные по краю кольцом из камней. Вскрытые экспедицией четыре кургана оказались начисто грабленными, и находки в них весьма незначительны. В одном из курганов Терскульской группы были найдены фрагменты керамики—горловина хума с орнаментом так наз. «мусульманского» типа, весьма характерным для VIII—X вв. Фрагменты такой же керамики были вскоре встречены на ближайшем к курганнику городище Ак-Тюбе. Находка орнаментированных фрагментов хума с несомненностью говорит о связи кочевников с окружающими городами.

Несравненно интересней оказались результаты разведки по могильнику с катакомбами у горы Манас-Супа. Под земляными насыпями курганов размером до 12 м в диам. и при 0,80 м высоты на глубине до 2,5 м оказались дромосы катакомб разм. 0,50 м, прикрытые в ряде случаев каменными плитами и высеченные в материковом лессовом грунте.

В катакомбах были обнаружены захоронения от 1 до 3 особей, в вытянутом положении, головами ориентированных в южном направлении. Костяки хорошей сохранности, черепа почти все сильно деформированы (при помощи повязок, накладываемых через темя и затылок) и вытянуты назад. Среди инвентаря—ручной лепки, прекрасной выделки керамика в виде сосудов баночнообразной и кувшинообразной формы светло-желтого и красного цвета. Керамика украшена врезанным орнаментом, как правило, в виде волнистой линии. Среди посуды много фрагментов деревянной посуды в виде круглодонных чаш. В одной катакомбе были обнаружены четыре хорошо сохранившиеся арчевые доски, на которых, вероятно, лежал покойник. В другой был обнаружен в разобранном виде собирающийся полностью деревянный гроб, сделанный также из арчи. Гроб представляет собой ящик прямоугольного сечения, слегка суживающийся к ногам. Сделан гроб без гвоздей, на пазах, а кое-где крепления сделаны деревянными кольш-ками. В засыпи катакомб обнаружено много инвентаря, который был положен с покойниками. Из него отметим предметы вооружения: скифского типа трехгранные стрелы, древки от стрел с вырезами для вкладывания в тетиву, «камчу»—плетку в виде небольшой деревянной рукояти с остатками ремня, укрепленного на ней медным кольцом и гвоздиками, костяные обкладки составного лука с вырезами для крепления тетивы, деревянные ножны меча, куски кожи—возможно, колчана или горита, обломки деревянных и металлических предметов, пряжки из красной меди с подвижным язычком,

инкрустированные украшения сбруи или ремня из низкопробного серебра с глазками из красного камня (корнеоля), с ободком зерни вокруг них, серебряную шпильку, большое количество бус белых, плоских, перламутровых и синих, кусок шелковой китайской ткани и мн. др. Чрезвычайно богатый инвентарь дает ряд весьма характерных вещей для датировок. Захоронения, повидимому, относятся к I в. до н. э.—II в. н. э. Вопрос об этнической принадлежности могильника может быть решен после более детального его исследования. Можно, однако, уже сейчас отметить, что в серии курганников, открытых в этом районе, упомянутые катакомбы резко отличаются от синхронных или синстадиальных усуньских могильников, раскопанных М. В. Воеводским около Иссык-Куля и в Чуйской долине, и от «сарматского» типа могильников, раскопанных нами на северных склонах Кара-Тау. Естественно поэтому резкие отличия в типе погребения и в характере инвентаря искать в ином этническом происхождении этих погребений. Более всего данных связывать этот могильник с северными гуннами.

IV. Города верхнего Таласа

На пространстве от бывш. села Дмитриевского до ущелья Большая Капка экспедиция обнаружила четыре поселения городского типа. Первое расположено около бывш. сел. Дмитриевского, на правом берегу реки Талас, километрах в двух от упомянутого селения. Городище называется Ак-Тюбе. Возле цитадели этого городища находится ныне кирпичный завод. Второе городище находится у восточной околицы селения Орловка, Ленинпольского района, в 100 м к югу от шоссе, под названием Джаман-Курган. Третье, под названием Чалдывар, расположено поблизости со вторым, на территории сельсовета того же названия (Чалдывар), в $\frac{1}{2}$ км к югу от поселка Водное (того же Ленинпольского района). Четвертое поселение—известное городище Садыр-Курган, к югу от ущелья Большая Капка в Кировском районе, в 2 км от пос. Кировск (центра района). Около этого городища тоже расположен кирпичный завод.

Эти четыре городища имеют все составные черты средневековых мусульманских городов—цитадель, шахристан, рабад. Городища Ак-Тюбе и Садыр-Курган намного больше городищ Чалдывар и Джаман-Курган. Кроме этих поселений, несмотря на тщательное обследование долины, больше городского типа поселений не было встречено. Это дает основание связать встреченные городища с названиями городов, перечисленных Макдиси, и вверх по реке Талас от ущелья Большая Капка. Здесь Макдиси отмечает четыре города—Шельджи, Сусы, Куль и Текабкет. Ввиду того, что, кроме этих городов, других не было встречено, а в обнаруженных городищах были в разведочных шурфах и в подъемном материале найдены предметы времени Макдиси, т. е. X в., мы сочли возможным отождествить перечисленные городища с древними городами в следующем порядке: городище Садыр-Курган с городом Шельджи, Чалдывар с гор. Сусы, Джаман-Курган с Кулем, а городище Ак-Тюбе—с древним городом Текабкет. Изучение этих городищ дало большой и весьма интересный материал, главным образом, керамику. На городище Ак-Тюбе был, кроме того, открыт водопровод и прослежены мощные слои монгольского и послемонгольского времени. Прекрасный слой тимуридской эпохи обнаружен был шурфами и на городище Садыр-Курган с монетами Шахруха (XV в.). Вместе с тимуридскими монетами эти находки показали резкое отличие городов верхнего Таласа от городов среднего и нижнего. Находясь несколько в стороне от «большой дороги», они в монгольскую и послемонгольскую эпоху продолжали более нормальное и развитое существование, чем Тараз и связанные с ним города.

Из памятников старины этого района отметим длинные валы, пересекающие в меридиональном направлении всю долину. Они как бы разграничивали Таласскую долину на две части: западная была занята земледельческим оазисом и его четырьмя городами, а за стеной на восток начиналась территория кочевников. Связь в находках курганников Кенкола (Теркульская группа курганов) с находками в Ак-Тюбе

показала, как мы отметили выше, существовавшую в древности торговую связь между кочевниками и городами. Эти факты показывают, что дальнейшее изучение этих объектов, несомненно, даст важный материал для понимания взаимосвязей города и «деревни» указанного района.

V. Предгорья Александровского хребта

К востоку от древнего Тараза среди памятников по маршруту Джамбул—Мирки следует выделить, во-первых, два комплекса городов Кулана и Мирки, во-вторых, курганники.

Из курганной группы у постройки Акыр-Таш был вскрыт курган с каменной насыпью 0,30 м высоты и 8 м в диаметре. Курган был грабленный, но находки, в нем обнаруженные, давали возможность относить его к позднекочевническим погребениям до X в. Кирпичная выкладка, там же раскопанная, оказалась мусульманской подбойной могилой XIV в. Несомненно, что ряд зарегистрированных могильников относится к более ранним эпохам, например могильные поля около урочища Кызыл-Кайнар, могильники к югу и юго-западу от сел. Кум-Арык и т. п.

Комплексы городищ Кулана и Мирки связаны с целой серией памятников старины. Город Кулан находится в 6 км к югу от ст. Луговая Турксібской жел. дор. Отождествление весьма эффектного городища, находящегося в заболоченной местности реки Карагаты, к востоку от поселка, с древним городом Кулан произвел Томашек и был в этом поддержан В. Бартольдом¹.

Город Кулан также состоит из цитадели и шахристана, огражденных высокой стеной. На огромном пространстве от основных остатков города тянутся бугры-развалины старых построек— большого рабада древнего Кулана. Шурф на шахристане дал, главным образом, керамический материал, который, по всем данным, относится к VIII—X вв. н. э. По типу материал может быть отнесен к четвертому слою Тараза.

Кулан находился в системе городов Семиречья, связанных между собою караванным путем. Следami этого караванного пути надо считать турткули весьма небольших размеров, например у сел. Малдыбай, четырехугольных в плане, также ориентированных по странам света, с длиной сторон до 50 м. Эти турткули по своей функции могут быть скорее всего определены как старые каравансарай, и их расположение наглядней всего показывает прохождение старого караванного пути.

Непосредственно у Кулана были зарегистрированы тепе, после исследования которых оказалось, что они являются остатками поселений сельского типа. Таков холм без названия у самого поселка сел. Луговое и холм Кара-Тепе у восточной околицы села. На безымянном холме был заложен раскоп в 40 кв. м., несколько суженный книзу. Общая глубина раскопа была свыше 7 м. Изучение напластований показало, что холм образовался в результате последовательной смены поселений, сменявших друг друга на этом месте с первых веков н. э. до VIII в. Характерно, что поливной посуды здесь не было найдено, но характер керамики и ее орнамент в верхнем слое весьма схожи с керамикой из Кулана и наглядно говорят о том, что верхние слои холма синхронны древнему Кулану. Среди находок обращает на себя внимание грубая лепная кухонная посуда, инвентарь сельскохозяйственного производства (разного типа зернотерки и т. д.), кости домашних животных. В нижних слоях наряду с костями домашних животных появились кости диких животных (сайги), говорящие о занятии древних жителей поселения охотой.

Такой же структуры и Кара-Тепе, еще ближе расположенное к городищу Кулана; его слои можно было проследить по срезу холма в результате деятельности здесь кирпичного завода.

Так же как по дороге из Тараза в Кулан, между последним и Мирки имеются турткули-каравансарай, например турткуль Муньке у бывш. почтовой станции того же названия. Зачисткой срезов культурного слоя городища Мирки удалось обнаружить

¹ В. Бартольд, Отчет, стр. 20.

идентичную с Куланом керамику, отличную от Тараза, хотя и того же времени— VII—X вв.

В 1938 г. были проведены небольшие работы по обследованию городищ возле гор. Токмака в Чуйской долине на предмет поисков древнего города Баласагуна, этой двукратной столицы Средней Азии, при Караханидах в XI в. и первой половине XII в. и кара-китаев во второй половине XII в. По вопросу о местоположении древнего Баласагуна в свое время был весьма ожесточенный спор между двумя русскими учеными—В. В. Бартольдом и Петровским. С изложением этой полемики можно познакомиться в упоминавшемся уже отчете В. Бартольда. В нем В. Бартольд высказал предположение о том, что городище Ак-Пешин, возможно, соответствует древнему Баласагуну. Догадка В. Бартольда в наших обследованиях получила также некоторое подтверждение.

Ак-Пешин—огромная площадь культурных и строительных остатков со всеми элементами большого городского центра. Не только шахристан обнесен стеной, но и рабад имеет вал, присоединяющий к городу значительный участок. Характерную физиономию имеют строительные остатки за стенами города с ярко выраженной замковой индивидуальностью. Стены шахристана имеют остатки башен, мощные укрепления ворот, грозную цитадель. Комплекс Ак-Пешина имеет характерное окружение: турткули (каравансарай), например у поселка Покровка на территории колхоза «Большевик» и к северу от города, и большое, мощное укрепление с малой цитаделью, четырёхугольное в плане, так наз. Малый Ак-Пешин, повидимому, древний рабад. К рабаду мы относим и городище «Бурана» в 5 км к югу от Ак-Пешина, внутри которого стоит знаменитая «башня Бурана»—фактически минарет мечети,—постройка караханидского времени. Весь комплекс Ак-Пешина говорит о том, что археолог здесь имеет дело с развалинами незаурядного порядка, вполне могущими претендовать на развалины былой столицы.

Шурфы, заложенные в шахристане и рабаде, показали очень мощный слой строительного мусора, перекрывающего культурные слои. Вызвано это, по всей вероятности, единовременной и быстрой гибелью города, после чего центр его сдвинулся к юго-востоку, где были обнаружены следы киданьской культуры. События такой гибели города известны по письменным источникам и относятся к последней четверти XII в. Город был разрушен и сожжен в результате того, что замкнувшиеся в нем жители не впускали отступавших с запада под натиском хорезмшаха Мухаммеда кара-китаев.

Разгром Баласагуна, пожары, разрушение построек, возможно, и привели к тому, что основная территория города осталась под мощным слоем строительного мусора от разрушенных сооружений. Впрочем, здесь явно требуются раскопочные работы больших масштабов, чем разведочные шурфы.

Как указывают древние источники, в 4 фарсах к западу от Баласагуна находилось большое селение Сарыг. Примерно в 25 км к западу от Ак-Пешина (Баласагуна) находится другое большое городище «Красная Речка». Городище Красная Речка по площади, пожалуй, не уступает Ак-Пешину. Его сложный план говорит о том, что оно росло постепенно, все увеличиваясь в объеме, присоединяя к городской черте все новые и новые территории за счет отмирания других, более старых построек. Культурные слои содержат, так же как и Ак-Пешин, доисламскую керамику (найлены ручка амфорообразного сосуда с согдийской надписью, керамика со штампованным орнаментом и т. д.). Черты Куланской керамики прослежены и здесь, но количество поливы здесь значительно большее, хотя общая физиономия культурных остатков остается той же. Городище Красная Речка по своим масштабам, по грандиозности строительных сооружений и культурных слоев—явление крупного масштаба. Странно только, что, если это было в древности большое городское поселение, о нем, однако, нет более подробных сведений; название города Сарыг очень редко упоминается в источниках и то только одного времени. Впрочем, сведения о Баласагуне, столице Средней Азии, тоже весьма невелики, отрывочны и путаны.

Обследование городищ Чуйской долины начинается с собой серию исследований по отысканию еще ряда крупнейших городов Семиречья, как-то: ставки тюркского кагана, города Суяба, Невакета и др. После окончания маршрута с доведением его до Верхнего Барсхана в части Киргизии (вероятно, у Барскаунского ущелья на южном берегу озера Иссык-Куль) и в Казахстан через Кастекский перевал можно будет более уверенно говорить о принадлежности тех или иных развалин к тому или иному городу средневекового Семиречья.

Работы 1936—1938 гг. дали общее представление о памятниках старины долин рек Таласа и Асса и выяснили роль и культурно-историческое значение главного в этой системе города Тараза. Разведки по Чуйской долине 1938 г. лишь готовят, вместе с работами, проведенными раньше, исследование этого нового комплекса, изучение которого должно дать ответ на ряд крупнейших вопросов истории Средней Азии, в том числе и на вопросы истории западнотюркского каганата, с историей которого теснейшим образом связано происхождение тюркоязычных народов, населяющих ныне республики Киргизию и Казахстан.

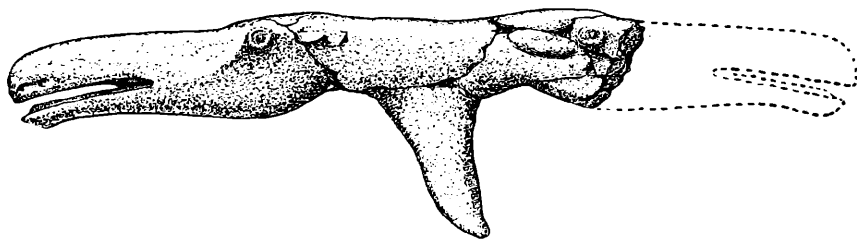
А. Бернштам

Неолитические находки в низовьях Ангары

(К итогам работ 1937 г.)

У села Братска (бывш. Братского Острога) на расстоянии 676 км от Байкала заканчивается паромное сообщение по Ангаре; ниже идут пороги. Последним, Стреловским, порогом Ангары во всю свою ширь перехвачена всего в 8 км от Енисея.

На всем протяжении от Братска до села Стрелка Ангары окаймлена лесистыми склонами коренных берегов или скалистыми щеками в виде вертикальных стен, высо-

Рис. 1. Скульптурное изображение лося. Остров Жилой.

тою до 100 метров. Щеки и «трубы» чередуются с озеровидными расширениями речной долины, где русло реки усеяно островами.

Эта глухая, малозаселенная область с ее суровой и дикой природой тем не менее хранит в недрах немало замечательных памятников прошлого. Низовья Ангары до 1937 г. по существу еще ни разу не были полностью обследованы археологами. Между тем, развитие археологических исследований не раз уже ставило исследователей перед очередной задачей обследования памятников прошлого и в обширной промежуточной полосе лесостепей к западу от Байкала и в зоне тайги Приангарья.

Археологическое обследование низовьев Ангары от села Братска до устья—на протяжении 1 200 км, предпринятое Иркутским музеем в 1937 г.,—впервые позволяет сопоставить наблюдения, сделанные в низовьях Ангары, с результатами, полученными при изучении неолита Прибайкалья (верхней части Ангарской долины в частности)¹.

Наиболее многочисленную группу неолитических и «неолитоидных» памятников в низовьях Ангары представляют следы поселений, «стоянки».

¹ См. ВДИ № 1 (2), 1938, стр. 244—260.